

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию

Гуковой Ангелины Валерьевны

«ЦИНИЗМ КАК КРИТИЧЕСКИ-РЕФЛЕКСИВНАЯ ФОРМА МИРОВОЗЗРЕНИЯ:
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ»,

представленную на соискание учёной степени кандидата философских наук
по специальности 09.00.11 – Социальная философия

Диссертационное исследование Гуковой А. В. посвящено социокультурному анализу феномена цинического, изложению и обоснованию концепции цинического как «критически-рефлексивной формы мировоззрения» [С. 12].

Признание метаисторичности цинизма [С. 12, 28] является отправной точкой исследования автором ряда актуальных проблем, таких как: историко-культурные этапы становления индивидуального субъекта и его современные социальные и психологические характеристики, соотношение коллективной и индивидуальной субъектности в переходные эпохи, связь цинизма и кризисного сознания, конструктивные и деструктивные проявления и функции цинизма, феномен нестабильной идентичности, рефлексивный потенциал радикальной иронии и др.

Центральная для диссертационного исследования идея цинического как «критически-рефлексивной формы мировоззрения» составляет, несомненно, существо его оригинальности и, одновременно, полемичности. Прежде всего, следует обозначить важный момент: вероятно, речь в принципе может идти о критической и рефлексивной функциях цинизма как формы именно и конкретно обыденного мировоззрения постольку, поскольку, с одной стороны, структура обыденного мировоззрения не предполагает значительного диапазона компонентов теоретического уровня, а, с другой, цинизм может не только обесценивать, но и, обесценивая, то есть корреспондируя, задавать некую дистанцию, от-стояние как прообраз критической позиции. По отношению к философскому, например, мировоззрению это несправедливо: не такова структура философского мировоззрения, не таковы задачи философии – в ней, очевидно, есть

место цинизму, но и не только; цинизм же в принципе дефицитарен... Солидные и опорные для автора в содержательном и методологическом плане концепции «несчастливого», «расколотого», «травмированного» сознания, «прибегающего» к цинизму как обезболивающему в ситуации перманентной фрустрации и бытийного голода – это философские концепции именно обыденного сознания.

Далее: насколько далеко распространяются «компетенции» (возможности) цинизма как «критически-рефлексивной формы мировоззрения»? Диссертационный текст содержит ясный ответ на этот вопрос: при всем разнообразии цинических стратегий (рассмотренных автором с заслуживающими быть специально отмеченными последовательностью, полнотой и эрудицией), они подчинены почти исключительно задачам адаптации цинического субъекта в ситуации тотального аморализма и неопределенности. Цинический субъект равнодушен к истине, и если в циническом дискурсе есть место познанию, то не более чем в целях приспособления, выживания. Гипотетически цинический субъект, как *maestro ludi* и тип, одержимый рефлексивным вопрошанием [С. 79], должен быть суперпрофессионалом в деле самопознания, но и здесь, отмечает автор (и нельзя с ним не согласиться), его ожидает неудача: отсутствие фундаментального доверия к миру и защитная избирательность ауторефлексии [С. 83] не позволяют осуществить сборку «Я».

Авторское определение цинического мировоззрения акцентирует в нем определенное мировосприятие, но не компоненты уровня миропонимания, традиционно ассоциируемые с критическим дискурсом, рефлексией: «Циническое мировоззрение – это *состояние* [курсив – Т. Ш-Г.], в котором психика индивида демонстрирует достаточную гибкость для того, чтобы он продолжал действовать и принимать решения, несмотря на сомнение относительно этих своих действий и принятых решений. Более того, само сомнение становится устойчивой стратегией жизни, своеобразным априори современной субъективности» [С. 82].

Сомнение наряду с интересом, любопытством, удивлением и др. принято относить к интеллектуальным эмоциям, но само по себе, даже радикализованное, оно не обеспечивает познания. Не исключено, однако, что за

радикализированным сомнением, которое всегда есть сомнение в чем-то, по поводу чего-то, за оппозиционностью цинизма скрывается некая универсальная структура, воспроизводимая в каждом акте познания. Обращение автора к «истории цинизма» нацелено, помимо решения других задач, на поиск такой универсальной структуры. Автор находит ее в условиях становления индивидуального субъекта, в предельных основаниях индивидуальной субъектности и неразрывности ее связи с субъектностью коллективной.

Данная интерпретация представляется заслуживающей внимания и хорошо обоснованной. Можно лишь выразить сожаление, что автор дистанцируется от сочетания этой позиции с диалогическим подходом, к чему, казалось бы, склоняет сама природа исследуемого феномена цинического – диалогическая, демонстративная, перформативная. Внимание к специфике кинической и собственной цинической коммуникации позволило бы углубить родословную цинизма не только за счет софистики, но и, например, за счет родственных ему архаических феноменов, таких как архетип двойника, амбивалентность и бинарность архетипического как такового, сакральное богохульство и ритуальное поношение.

Бесспорным достоинством исследования являются разнообразие, глубина освоения и раскованность применения составляющего концептуальную и методологическую основу исследования теоретического материала. В числе сильных сторон работы – тщательность разработки историко-социальных аспектов исследуемой проблемы. На внушительном, хорошо систематизированном материале Гукова А. В. реконструирует культурную и интеллектуальную историю цинизма; убедительно показывает, что, являясь, в известной степени, источником современного цинизма, античный кинизм, в противоположность ему, был полноценным философским мировоззрением, нечто утверждавшим, а не только отрицавшим, и отрицавшим не любые и не все ценности, а конкретные, скомпрометированные общественной практикой переживавшего кризис античного полиса. Обращаясь к эпохе Просвещения, автор обнаруживает и отслеживает в ней, с одной стороны, оппозиционность отношения просвещенческого цинизма

к просвещенческим же идеалам, а, с другой, начало процесса перерождения цинизма как оппозиционности в цинизм как тотальность, утверждение которого мы наблюдаем в полной мере сегодня.

Исчерпывающим образом разрешены поставленные автором исследования задачи реконструкции социальных условий рождения современного цинизма, создания типологии «цинического субъекта», типологии конструктивных и деструктивных цинических стратегий, выявления современных культурных контекстов проецирования цинического и его «форматов». Выраженно оценочным (негативным), предвзятым, неаргументированным суждением о цинизме Гукова А. В. противопоставляет программу многостороннего анализа цинизма с конструктивных позиций, как элемента социальной реальности, порожденного столкновением объективных и противоречивых тенденций, таких как «поиск опоры на самого себя» и «рост интереса к отдельному человеку и его судьбе» в условиях кризиса общественного устройства [С. 9], маргинализация личности как негативный сценарий ее автономизации и др.

Ясный и отвечающий характеру исследуемой проблемы план диссертационной работы реализован последовательно, при равномерном и оправданном распределении исследовательского интереса.

Диссертационное исследование Гуковой А. В. достойно внимания, выполнено на высоком теоретическом уровне. Вместе с тем нельзя не отметить отдельные дискуссионные моменты, а также положения, нуждающиеся в пояснениях. В первую очередь, и здесь мы возвращаемся к началу данной рецензии, требует более четкой артикуляции то, что автор исследования понимает под «формой мировоззрения». Во-первых, вопрос этот возникает в связи с расхождениями авторской интерпретации с общераспространенной, подразумевающей в качестве таковых форм миропонимание и мировосприятие (мироощущение, мирочувствование). Во-вторых, в тексте диссертации содержатся различные интерпретативные интенции: форма критически-рефлексивного мировоззрения как радикализованного сомнения, как универсальной структуры познания, как того и другого одновременно и т.д. В-третьих, немаловажно, как

данная форма мировоззрения соотносится с другими формами, а также различными мировоззренческими типами (философским, религиозным, научным).

Второй вопрос – уточняющего характера: подразумевает ли автор под «онтологическим планом описания/представления» [С. 11, 52 и др.] онтологию субъекта или нечто иное?

Третий вопрос содержит ряд взаимосвязанных подвопросов: в чем, по мнению автора, больше цинизма и общественного вреда – в том, чтобы цинично думать, обнародовать свой цинизм в открытых высказываниях или действовать, руководствуясь циническими представлениями? (Кто циник – Г. Моска, утверждающий, что «все правящие классы стремятся стать наследственными если не по закону, то фактически», или эти самые представители правящих классов?). Как соотносятся цинизм и релятивизм? цинизм и нигилизм? цинизм и реалистичный, трезвый взгляд на вещи, здравый смысл? Хотелось бы также услышать от автора диссертации примеры современных однозначно цинических, на его взгляд, высказываний в разных сферах общественной жизни – профессиональной, политической, экономической, социальной, информационной и др.

Высказанные замечания не снижают общего положительного впечатление от диссертационного исследования А. В. Гуковой, бесспорно обладающего научной новизной, теоретической и практической значимостью для философии, должным образом апробированного и тем самым заслуживающего высокой оценки. Достоверность и обоснованность научных выводов, представленных в диссертации, не вызывает сомнений и определяется уверенной ориентацией автора в основных общественных и социальных процессах, и дополняется анализом широкого круга трудов по исследуемой проблематике.

Основные результаты исследования А.В. Гуковой отражены в автореферате диссертации, а также обнародованы в 7-ми научных публикациях, в т.ч. 3-х статьях в изданиях, рекомендуемых ВАК РФ, что соответствует п. 11–13 «Положения о присуждении ученых степеней».

Диссертация Гуковой А.В. «Цинизм как критически-рефлексивная форма мировоззрения: социально-философский аспект» представляет собой

самостоятельное, профессионально выполненное научное исследование и соответствует требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям согласно пп. 9–11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утверждённого постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 (в редакции от 01 октября 2018 г.), а её автор, Гукова Ангелина Валерьевна, заслуживает присуждения учёной степени кандидата философских наук по специальности 09.00.11 – Социальная философия.

Официальный оппонент
доцент кафедры философии и истории
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Томский государственный
архитектурно-строительный университет»,
кандидат философских наук
(24.00.01 – Теория и история культуры)

Шаповалова-Гупал Татьяна Александровна

18 сентября 2019 г.

Подпись Т.А. Шаповаловой-Гупал заверяю:

Учёный секретарь Ученого совета

ФГБОУ ВО «Томский государственный
архитектурно-строительный университет»

634003, г. Томск, пл. Соляная, 2; (3822) 65-39-30

<https://www.tsuab.ru>; rector@tsuab.ru

Ю.А. Какушкин

